

Якуба Иван, 15 лет

Ваня.

Ваня, вставай! Иван! Сквозь сон голос матери звучал так резко, что захотелось спрятаться, исчезнуть, раствориться.

"Интересно, если лежать и не двигаться, может, она про меня забудет?" – подумал Иван, но это не помогло.

Мама зашла в комнату, сдернула одеяло и начала говорить свою обычную речь.

— Ты во сколько вчера домой явился? Сколько это будет продолжаться? Мне с утра на работу, а я тебя дожидаюсь? Уроки не делаются! Дома никакой помощи! Только и знаешь, что гулять да отдыхать. Целыми днями шарохаетесь с этой шоблой, с этим Макаром и его компанией. Больше всего на свете мне бы хотелось, чтобы ты забыл об их существовании.

— Мам, ну хватит орать с утра, и так тошно. Я в школу хожу? Хожу, значит, я свои обязанности выполняю, а больше я ничего никому не должен. Я не просил меня рожать, родила – теперь обслуживай, вари, убирай там, я не против.

— Что значит «орать»? Ты как со мной разговариваешь? У тебя совесть есть? Кто вчера все яблоки с дерева тети Гали сорвал? Да главное, больше напакостили, они ведь еще совсем зеленые, – мать устало села на кровать и посмотрела на сына. – А кто лавочку у Карпотиных перевернул? Вы же знаете, у Елены Васильевны сын на СВО, как же вам не стыдно?

Иван посмотрел на маму и поморщился. Ему и самому не очень нравилась идея с этими дурацкими затеями Макара, но не терять же друзей из-за каких-то странных мыслей в голове. «Все делают, и я делаю, а то еще подумают, что я слабак!» — так думал Иван, натягивая брюки и хмуро смотря на мать.

— Это вообще не мы! — сказал он.

— Ага, не вы! Кому другому рассказывай, но не мне. Прекратите творить пакости, удивите народ, сделайте что-нибудь хорошее!

Иван засмеялся: — Сами делайте хорошее, и вообще отстань! Я в школу пошел, а то, что это мы лавочку перевернули, еще доказать надо! Как говорится, не пойман — не вор!

Иван пнул дверь ногой и выскочил на улицу. Теплый летний день радостно распахнул свои объятия навстречу подростку. Яркое весеннее солнце слепило глаза. Иван зажмурился и сделал шаг вперед.

Улица носила название Элеваторская, обыкновенная улица в частном секторе небольшого городка. Вроде бы и все не плохо, но и ничего необычного. Относительно чистенько, немного серовато и не очень уютно. Сильно резанула глаз перевернутая лавочка Карпотиных, Иван смотрел на нее и думал «Зачем мы вчера ее перевернули, ведь сами на ней сидели, а потом как черт дернул этого Макара». Вдруг Иван почувствовал сильную боль в ноге и тут же неожиданное ощущение полета, отвлекшись на лавочку он забыл смотреть под ноги и тут же споткнулся о что-то большое, лежащее посреди тропинки.

Поглядел Иван назад, а там камень лежит большущий, - Опять этот дед Матвей, свои камни таскает с досадой подумал он.

Со злобой посмотрел Ваня на дом своего соседа, а тут и он легок на помине, идет старается быстро, а не выходит – возраст, старику уже лет 90 не меньше.

- Не зашибся внучок? – спросил дед. Я ж так и знал, что кто ни будь да спотыкнется. Ай, яй, я ж этот камень уже третий день тащу, да, силы то уже не те, помнишь, наверное, я позавчерась просил тебя помочь?

- Как ты уже всех достал со своими камнями – зло прошипел Иван.

- Не ругайся внучок, я ж как лучше сделать хочу, чувствую я недолго мне осталось. Вот помру, а ты выйдешь, а улицу увидишь мою клумбу и вспомнишь старого деда, соседа своего.

- Да кому твоя клумба нужна? Таскаешь, таскаешь эти камни, ноешь вечно что все болит, а все равно таскаешь. Делать тебе видимо нечего, а от твоих идей я пострадал, нафиг твоя красота никому не нужна!

Иван! – мама вышла на улицу, - Ты как со старшими разговариваешь? Взял бы и помог старику, тебе ведь не сложно совсем.

- Ага, сейчас же, и не подумаю, сказал Иван, со злостью пнул камень и пошел в школу, Дед Матвей грустно вздохнул, наклонился и начал толкать камень.

Возвращаясь из школы, Иван посмотрел на недостроенную клумбу деда Матвея. Сооружение это выглядело слегка нелепо: большие и маленькие камни огораживали небольшой участок земли, в котором, кроме травы, ничего не росло, пока. «Безумный старик», — подумал Иван, но что-то шевельнулось в груди, когда он вспомнил слова старика о том, зачем он строит эту клумбу.

Зайдя домой, он прошел в свою комнату, надел наушники и лег на кровать. Пришла на обед мама, что-то ему говорила, возможно, даже кричала, но

наушники и громкая музыка спасли его от этих неприятных звуков. Пооткрывав рот, как немая рыба, мать махнула рукой и ушла на работу. Иван еще немного полежал, встал, переоделся и пошел на улицу встречаться с друзьями.

Сумерки сгущались над небольшим городком, где проживал наш герой. Несколько подростков собрались на улице Елеваторской и старались себя развлечь разными способами. Кто-то пил энергетик, кто-то залипал в телефоне, кто-то приставал к прохожим, которые стремились как можно быстрее пройти мимо компании. Периодически раздавался громкий, неестественный смех — все старались по «достоинству» оценить не всегда удачные шутки лидера и души компании Макара.

Сидел в тесном кругу и Иван. Как все, он старался поддержать пустую беседу, смеялся не всегда смешным шуткам, он изо всех сил старался не отстать от товарищей.

Сказав очередную глупость, Макар встал и взял направление к только что установленной на место лавочке Карпотиных. — Смотрите-ка, быстро на место поставили! Что, опять навести порядок? — сказал он, громко рассмеялся своей шутке, толпа поддержала. Он продолжил: — Хотя нет, это уже не интересно. Чего бы новенького оставить на память о себе в эту ночь? Взгляд его упал на недостроенную клумбу деда Кузьмы. — О, Вань, зачем тебе напротив дома такая красота? Давай уничтожим!

Иван от неожиданности встал на ноги. В его голове происходило что-то странное: вроде все как всегда, немного пошалим и все. Но язык онемел, он изо всех сил хотел сказать Макару: «Давай!», но нет, не мог.

Все выжидательно смотрели на него, а он молчал. Он вдруг вспомнил, сколько сил стоило деду Кузьме строить свою клумбу, свою память, сколько раз он просил его немного помочь, как грубо Иван разговаривал с человеком, который был намного старше его. И вообще, зачем ломать то, что не ты строил или делал, если это сделано для людей, чтобы было лучше всем?

— Не трогай! — тихо проговорил Иван и сам не узнал своего голоса. Макар, который собирался уже толкнуть первый камень, замер на месте. — Чего? — спросил он. Вся компания от неожиданности замерла, не было слышно ни одного звука.

Макар сделал несколько шагов в направлении Ивана, глаза у него от злости сделались маленькими, губы растянулись в злой улыбке.

— А то что? — спросил он.

— Я не знаю, что, но только не смей ничего трогать!

При каждой фразе парни делали по несколько шагов навстречу друг другу и в итоге оказались стоящими на расстоянии одного шага. Около минуты они стояли молча, каждый смотрел в глаза противника. И что-то, наверное, увидел Макар в глазах напротив, что-то почувствовал, раз, сделав шаг назад, громко рассмеялся и сказал:

— Да ладно, ладно, успокойся, кому нужна эта клумба? Можно подумать, кому-то хотелось камни таскать.

Все засмеялись. Не засмеялся только Иван. За какие-то пять минут его мир перевернулся, он понял, что перед ним не лидер, а простой трус, который творит плохие дела в темноте, что окружают его не друзья, а так, люди, с которыми ему совсем не интересно. И как только он это понял, стало легко и свободно: не надо смеяться глупым шуткам, не надо стараться понравиться и угодить всем, не надо слушать материнские претензии, ведь можно просто взять ей и помочь.

Иван глубоко вздохнул, улыбнулся и, не оборачиваясь, пошел к своему дому. Зайдя во двор, он увидел маму, которая стояла у забора и плакала.

— Мам, ты чего?

— Теперь все хорошо, сынок, теперь я спокойна, есть у тебя самое главное, есть совесть, есть человечность, а вредность твоя — это просто переходный возраст. «Ну, вроде бы, перешли», — сказала она и робко улыбнулась сыну.